

ОБРАЗ ВОЙНЫ: МЕЖДУ СВЯТОЙ РУСЬЮ
И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ ОТЕЧЕСТВОМ

Егор Соколов

Вторая мировая и Великая Отечественная — в определенном смысле две совершенно разных войны. Разница между ними — это разница между историческим событием, включенным в череду других и связанным с ними причинно-следственными отношениями, и событием символическим, беспрецедентным и в то же время отраженным в других, как предшествующих, так и последующих. Грубо говоря, если Вторая мировая имеет причиной Первую и следствием холодную, то Великая Отечественная завершает и формирует по своему подобию ряд побед над французами, шведами, поляками, монголами и тевтонцами. Это разница категорий: количественного и качественного, относительного и абсолютного, разница между исторической наукой и мифом.

Но зафиксировав эту разницу, мы вынуждены будем поставить ее под вопрос, как только обратим-

ся к текстам. Что говорит, к примеру, советская историческая наука?¹ Ее голос доносится с прокрустова ложа заимствованной из официальных партийно-государственных документов «марксистско-ленинской философии»: Вторая мировая война имела классовый характер, она была вызвана резким обострением империалистических противоречий и знаменовала начало общего кризиса капитализма. Заинтересованные в переделе колоний, источников сырья и рынков сбыта монополистические предприятия Германии, Италии и Японии способствовали милитаризации и породили фашизм, крайнюю форму буржуазной диктатуры. Немалую роль сыграла и антисоветская политика попустительства агрессорам и сговора с ними, которую проводили правительства Англии и Франции при поддержке правящих кругов США. Однако результаты войны не оправдали надежд миро-

вой реакции, напротив, позиции империалистов серьезно ослабли, а социалистический лагерь превратился в могучую систему, которая «не знает кризисов и потрясений и приносит великие блага народам стран социализма, демонстрируя свои решающие преимущества перед капиталистической системой»². Развести в том описании историческое и мифологическое едва ли возможно. Признание его «историческим», «научным» является ставкой и результатом в борьбе за символическое господство, за монополию на формирование способов видения мира.

Нас, впрочем, интересует не статус или способ легитимации этого дискурса, а его пересечение с другими, сцепление символических рядов, в котором формируется образ Великой Отечественной.

Как ни парадоксально, в формировании образа войны советский военно-исторический дискурс участвует едва ли не меньше всего. Дело тут не только в том, что в своей официальности он человеческим ухом не воспринимается, но и, прежде всего, в концептуальном аппарате, заимствованном из марксистской философии войны. Последняя представляет собой основанную на материалистическом понимании истории интерпретацию инструментализма Клаузевица (уточнение связи между войной и политикой, объяснение ее классового характера и т. д.). Государство, как известно, понимается здесь как продукт классовых противоречий. Для того чтобы поставить себя над обществом, чтобы удерживать классовую борьбу, по Энгельсу, «в границах "порядка"», ему необходима армия. В работе «Социализм и война» Ленин пишет: «мы понимаем неизбежную связь войн с борьбой классов внутри страны, понимаем невозможность уничтожить войны без уничтожения классов и создания

¹ Вторая мировая война 1939 – 1945 гг. М.: Воениздат, 1958; Всемирная история. В 10 т. М.: Мысль, 1965. Т. 10; История Второй мировой войны 1939 – 1945. В 12 т. М.: Воениздат, 1975 – 1982; Летопись Великой Отечественной. 1941 – 1945: Краткая иллюстрированная история для юношества. М.: Молодая гвардия, 1985.

² Вторая мировая война 1939 – 1945 гг. М.: Воениздат, 1958. С. 830.

социализма»¹. Войны, по Ленину, ведутся правительствами, в них продолжается политика, прежде всего господствующего класса, то есть его борьба за сохранение существующего строя, за свои, обусловленные местом в системе общественного производства, интересы. Наш тезис заключается в том, что все эти категории, по меньшей мере, не вполне релевантны опыту войны. Анализ «интереса», при всей эвристической ценности, очень мало что говорит о том, почему люди воюют; инструментальный подход не предназначен для работы с такими предметами, как мотивация или ценности и смыслы.

Однако именно потому, что в силу специфики концептуального аппарата объяснительные модели на образ войны практически не влияют, в него входит исторический факт. Описание подвига, практически отсутствующее в западной военно-исторической литературе², в советской становится обязательным жанром. Фигуры защитников Брестской крепости, партизан, пошедших на таран летчиков, пехотинцев на Мамаевом кургане и многих, многих других делают наш опыт войны и нашу историческую память конкретными и персоналистичными. Особенно если сравнивать с западной глубоко рефлексивной мифологией абсолютного преступления и абсолютной жертвы.

Опыт войны выражается призывом «убить немца» (отнюдь, конечно, не интернационалистическим «превратить войну империалистическую в войну гражданскую») или, скажем, словами, вложенными Л.Н. Толстым в уста Кутузова: «А и то сказать, кто же их к нам звал? Поделом им, м... и в г...». Это опыт войны за Родину, войны «священной, народной», опыт, конечно, далеко не непосредственный, но сформированный не «научными» категориями советского марксизма, а образами, созданными поэтами, художниками, фотографами, режисерами и журналистами прямо во время боев и как бы впитавшимися в плоть войны. Этот опыт —

результат тотальной символической мобилизации, которая потребовала использования всех ресурсов культуры. Происходит реактуализация коммунистической идеологии — ВКП(б) становится многомиллионной народной партией именно во время войны: в конце 1941 г. в армии около 1,3 млн. коммунистов, или 42,4% состава партии, а в 1945 г. свыше 3,5 млн., или 60%³. Но вместе с тем — реактуализация дореволюционных традиций воинского служения и государственности. Возвра-

щается, например, в официальный лексикон слово «офицер», возвращаются погоны (1943), учреждаются ордена Суворова, Кутузова, Александра Невского (1942), Нахимова, Ушакова (1944) и т. д. Война становится грандиозным плавильным котлом, в котором самые разные смыслы и ценности, щедро политые кровью, переплавляются в великое повествование. Как пишет ван Кревельд, «чем больше крови пролито во имя какого-либо мифа [...] — тем священнее этот миф. Чем более он

Портрет А.В.Суворова. Карл Штейбен, 1815 г.

¹ Ленин В. И. Социализм и война // Полн. собр. соч. Т. 26. С. 311.

² Типпельскирх К. История второй мировой войны. М.: Издательство иностранной литературы, 1956; Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003.

³ Вторая мировая война 1939–1945 гг. М.: Воениздат, 1958. С. 849.

Возвращение. Михаил Кугач, 1969 г.

священен, тем меньше мы склонны рассматривать его в рациональных, инструментальных терминах»¹.

Справедливость этих слов израильского историка показывает такой, например, характерный фольклор:

1. В 1941 г. И.В. Сталин посетил Блаженную Матрону Московскую, которая предсказала, что он один из руководителей государства останется в Москве, но город устоит (написана икона с соответствующим сюжетом). Силой молитвы святой Матроны гонитель православия и враг России преобразился в подлинного вождя

народа, немало способствовавшего возрождению Православия на Руси и приведшего нашу страну к победе в Великой Отечественной войне.

2. В 1941 г. по приказу И.В. Сталина самолет с иконой Казанской Божьей Матери трижды облетел вокруг Москвы. Враг был остановлен.

И так далее. Поскольку повествование о войне становится основанием советской, а затем российской идентичности, оно должно быть соотносено с различными символическими рядами, вписано в различные дискурсы. А то, что подобные

любопытные истории множатся, свидетельствует о необходимости сочленения, стыковки в общественном сознании даже откровенно противостоящих друг другу ценностей. Формула «война — основание идентичности» может быть понята, таким образом, не только в том смысле, что идентичность отсылает к войне как к событию, но и в том, что она выстраивается подобно этому событию, выстраивается на пересечении традиций, как своеобразный синтез. Конструирование идентичности становится, следовательно, своего рода коллективной психотерапией, преодолением когнитивного диссонанса.

С одной стороны — революционно-модернистская мифология нового мира и нового человека, спаянных единой волей братских народов, рвущих оковы и порывисто устремляющихся в героическое будущее, мифология подвига, боевого и трудового («работать надо — винтовка рядом»), совершенного перед людьми и ради них... Мифология, запечатленная в плакатах и стихах 20-х годов, но гораздо отчетливее — в новых заводах, городских проспектах и в Победе. С другой — военные и государственные традиции, сформировавшиеся под влиянием православия, в значительной степени как православные. Во-первых, своеобразный комплекс религиозных представлений, сложившихся вокруг войны и воинской службы и обнаруживаемых в ритуальной практике (специально почитаемые святые, иконы и обереги, особые молитвы) и языке (афоризмы типа «кто не был на войне, тот Богу не молился»), в богословии и идеологии (идеологема «христолюбивого воинства»), наконец, в использовании православия как средства морально-психологического воздействия на вооруженные силы (по крайней мере, с «Учения и хитрости ратного строения пехотных людей» 1647 г.). Во-вторых, метафизика власти, которой «несть аще не от Бога» (Рим. 13:1) и которая воплощается в царе как носителя особой харизмы, заступнике перед Богом за землю русскую.

Конечно, в советское время эти

¹ Кревельд М. ван. Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 250.

традиции обнаруживаются только пунктирно, как влияния или мотивы, выражаются не в систематическом дискурсе, а скорее в художественном образе. Они пересекаются с советской традицией, влияют на нее, сами отчасти в нее претворяются, а отчасти сохраняют свое своеобразие и противостоят ей. Пересечение происходит в пространстве священного, сцепляются высшие уровни ценностных порядков, монтируются важнейшие символы. Это делает неизбежными попытки примирить два основания идентичности (православие, как известно, для большинства россиян не исповедуемая вера, а своеобразный культурный маркер), попытки, имеющие, конечно, определенные исторические послышки (можно вспомнить, например, «конкордат» 1943 г., танковую колонну «Дмитрий Донской» и т. д.), но, что гораздо важнее, — логическую послышку — закон тождества. Попытки, делающие закономерными, в частности, эксцессы типа «православного сталинизма».

Наш образ войны — результат этого специфического двоеверия: подвиг приобретает оттенок мученичества, Сталин — грозного царя (который, однако, лучше, чем какая-нибудь семибоярщина), социалистическое Отечество практически неотличимо от Святой Руси, а война имеет, конечно, не классовый, а священный характер.

á

